

ИДЕЯ ИМПЕРИИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Поздний Рим, рухнувший под ударами варварских нашествий в V в., оставил европейским народам не только богатую античную культуру, но и огромное идейное наследие. Среди прочего особо следует отметить «идею Рима», или концепцию универсальной внеисторической империи как единственно правильной и возможной формы организации политической жизни цивилизованных людей. Данная идея уходит корнями в глубины древнеримской истории, но базируется на сформировавшемся к III в. н.э. «римском мифе» – представлении о Риме как о естественном центре ойкумены – Вечном Городе (*Urbs Aeterna*), объединившем все цивилизованное человечество, ставшем для всех народов единой отчиной.

Античный Рим стал завоевателем и организатором огромной державы, превратился в столицу мировой империи. Само понятие столицы ни для древневосточных, ни для эллинистических государств не было чем-то устоявшимся и не несло сакрального смысла. Лишь применительно к Римской империи можно говорить о формировании понятия столицы как с незапамятных времен возникшего города, естественного центра политической и культурной жизни, олицетворения мощи и вечности государства и цивилизации в целом. Как столица Рим противостоит всем столицам прежних царств, которые были лишь временными по сравнению с Вечным Городом. Идея вечности стала одним из краеугольных камней концепции Рима как универсальной столицы [4, с. 41-42, 49].

В эпоху империи Рим в глазах людей уже стал Вселенной. Все провинции чувствовали себя членами единого целого – империи [2, с. 61, 329]. Автор V в. Сократ Схоластик [Церк. ист., II, 37] писал, что участники Ариминского собора 359 г. указывали императору Констанцию II на то, что его царство простирается до пределов Вселенной.

Таким образом, формируется своеобразная идеологическая формула: вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная. Если первая часть формулы выражает представление о централизованной иерархической структуре мира (Юпитер – Геркулес, Аполлон, Христос – на небе, император на земле), то вторая – универсализм, всемирный охват государства: Вселенная всеобъемлюща, и Рим всеобъемлющ, за его пределами ничего не может существовать; империя имеет право владеть всей Вселенной целиком, без изъятий [11, с. 62, 67]. В контексте Римского государства употребляются термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene* [3, с. 15].

Таким образом, поздняя античность завершается концепцией вселенской Империи с единым и всемогущим центром, утверждая в социально-политическом отношении идеи монизма и универсализма. Сам город Рим возвышается до высочайшего идеологического уровня, обожествляется (культ богини Ромы) и почитается вечным, т.е. находящимся вне исторического времени [1, с. 81]. К тому же Рим мыслился как наднациональный институт, провозглашавший унификацию народов в рамках общего единства, как некая суперструктура над культурно-идеологическими и политическими структурами отдельных государств и народов [5, с. 127].

Одновременно в эпоху Поздней империи произошло переосмысление имперской идеи: она теснейшим образом соотносится с христианством. Автор IV в. Пруденций верит в провиденциальную миссию Рима, но тесно увязывает миродержавство Рима и будущее самой империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. У Сократа Схолас-

тика, автора V в., как и у его современников, находим эту же оптимистическую идею постоянного роста и усиления христианской империи под контролем и с помощью Бога [6, с. 14, 21-22].

Связь идеи империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского. Он писал: «в одно и то же время по небесному изволению появилось два роста, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, – это Рим и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... все люди соединятся в одну семью под общим скипетром» [цит. по: 10, с. 11]. Евсевий Кесарийский помещает *Imperium Romanum* на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство соединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь [5, с. 128].

В поздней империи Единый Бог стал средством скрепления единства: земная власть императора – вице-Христа – была объявлена отбразенным небесным отечеством для всех подданных. Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии «священной» вселенской империи [8, с. 98, 390]. На политический монизм и универсализм накладывается христианский экуменизм, сопряженный с идеей единого религиозного центра: на *Pax Romana* накладывается *Pax Christiana*. В итоге вырабатывается политико-конфессиональный монистический принцип, согласно которому все народы образуют одну обширную семью в рамках единой христианской (по-прежнему Римской) империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашался единый (по-прежнему римский) император, обитающий в столице мира [5, с. 126].

После гибели Римской империи Рим из реальной космополитической столицы средиземноморского мира превращается в идеологическую абстракцию, символ великой государственности, наследство которого желанно для будущих поколений. Как следствие, развилась концепция абстрактного Рима, которая зажила своей особой жизнью, отделившись от исторического Рима, и была перенесена в наиболее характерных свойствах на столицы других великих держав, в частности, на столицу Византии – Константинополь и столицу Российского царства – Москву.

Так родилась теория «переноса империи» (*translatio imperii*) – переноса на другой город (страну) всемирно-исторического достоинства императорского Рима. Позднеримские и раннесредневековые авторы утверждали, что всегда существовала и должна существовать в мире некая универсалия исторической и политической жизни, которая называется Империей. Рим как Империя мыслился функцией, лишенной пространственно-временной характеристики; носителями ее могут быть различные государственные образования [3, с. 6, 25]. Идеи постоянства и вечности Римской империи стали основой для теории *translatio imperii* к Второму и Третьему Риму.

В IV – VI вв. сформировались различные парадигмы Империи: западная провозглашала верховенство римского папы, в то время как империй может быть несколько, но все империи должны были подчиняться римскому (папскому) престолу (здесь, по выражению Н. Лисового, «идея Империи была переплавлена в идею папства, идею римского престола»); восточная, идущая от Евсевия Кесарийского, допускала существование различных конфессий, но только в рамках единой Империи [10, с. 11].

В средние века римская имперская традиция и сама идея Рима были восприняты как на западе, так и на востоке бывшего римского мира, однако в своем пространственно-временном перемещении (Византия, империя Каролингов, Священная Римская империя, Сербия Стефана Душана и, наконец, Московское царство) они теряют свои генетические связи, трансформируются, входят в состав новых идеологических структур. Например, если в Византии и России разрабатывалась и реализовывалась концепция Рима как столицы великой державы, в западной Европе была воспринята идея Римской империи как государственного образования в целом, в то время как роль Рима как столицы отходила на второй план [4, с. 41].

Католическая церковь использовала римскую имперскую идею в качестве опоры для утверждения своей всеобщности, западные императоры лишь формально носили титул «римский» (Фридрих Барбаросса даже провозгласил жителям Рима, что «римская честь перешла к германцам»), Константинополь также сохранил видимость и формы прежнего Рима, но наполнил их другим содержанием [1, с. 88-89]. Однако термин «римский» в этих конструкциях присутствовал обязательно: Рим давно стал символом непреходящей славы и вселенского величия (например, византийские панегиристы делали Константинополю самый возвышенный комплимент, только используя выражение «Новый Рим» – *Nova Roma*, НЭБ Сюзь) [7, с. 77].

Идеи Рима и империи прочно укоренились в средневековой политической культуре Европы. Однако со становлением национальных государств эти идеи начали отмирать. А. Тойнби назвал это «невывыказанным культом раздробленности государств» [3, с. 7]. Современные теории государства строились на отказе от универсалистских концепций «старого» и «нового» Рима. Однако лишь в 1806 г. австрийский император отказался от титула «*Imperator Romanorum*», а в 1815 г. папа Пий VII протестовал против решений Венского конгресса об отказе от восстановления Римской империи в качестве «законного центра политического единства» [3, с. 8].

Литература

1. Бреци П. Рим – Константинополь: континуитет или инновация? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 81-92.
2. Зелинский, Ф.Ф. Римская империя / Ф.Ф. Зелинский. – СПб.: Алтейя, 1999. – 486 с.
3. Каталано, П. «От Рима к Третьему Риму»: итоги и перспективы изучения проблемы // Рим, Константинополь, Москва. – С. 6-11.
4. Кузицин, В.И. К вопросу о формировании концепции Первого Рима. От латинского городка к средиземноморской столице // Рим, Константинополь, Москва. – С. 41-53.
5. Медведев, И.П. Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и христианизации Руси в частности // Рим, Константинополь, Москва. – С. 124-134.
6. Мязина, О.Б. Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемики христианства и язычества на рубеже IV – V вв. (по материалам творчества Пруденция): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002. – 26 с.
7. Паван, М. Константинополь: от Рима к Москве // Рим, Константинополь, Москва. – С. 60-80.
8. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
9. Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: РОССПЭН, 1996. – 368 с.
10. Три Рима / Сост.: Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. – М.: ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.
11. Шабага, И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия / И.Ю. Шабага. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 141 с.